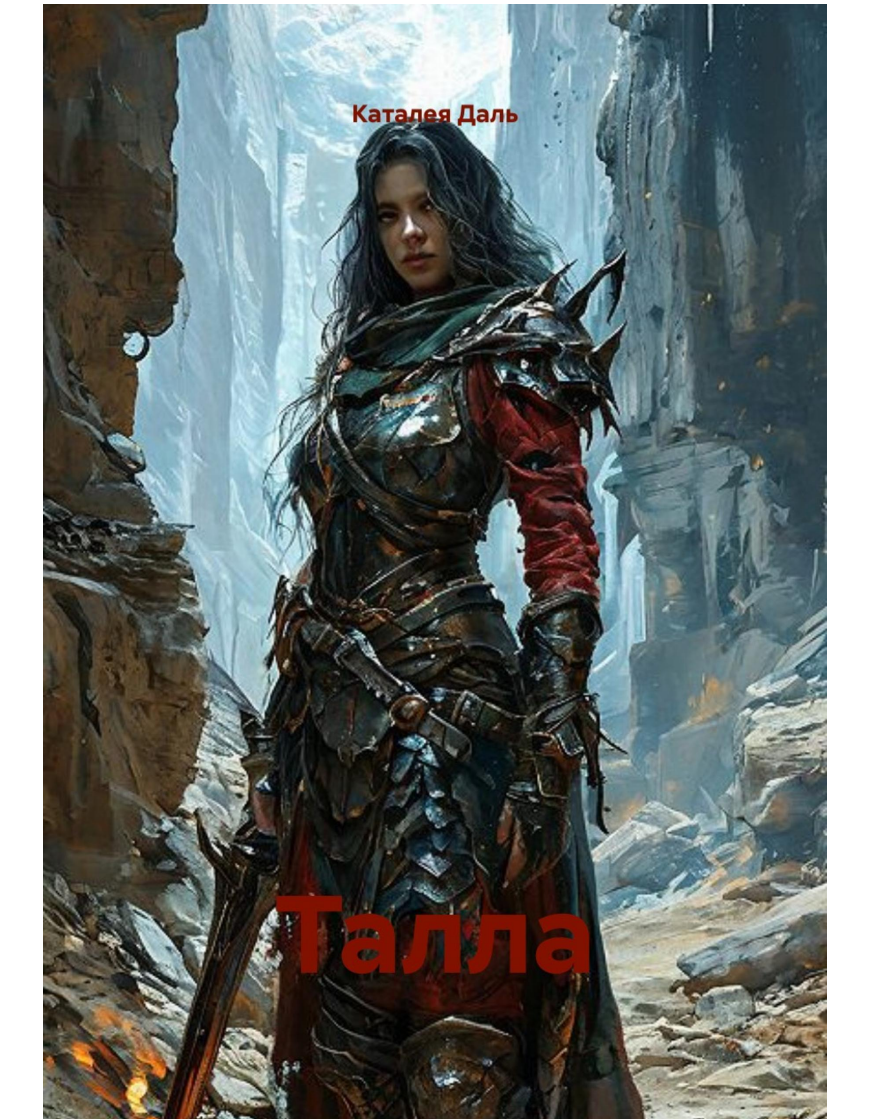

A digital painting of a female warrior standing in a rocky, mountainous landscape. She has long, dark, wavy hair and is wearing intricate, dark metal armor with a red tunic underneath. The armor features a high collar with spikes and a skirt-like lower section. She holds a sword in her right hand. The background shows steep, rocky cliffs and a bright, hazy sky. The overall style is painterly and dramatic.

Катадея Даль

Талла

Каталей Даль Талла

<https://litres.ru/74242134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Талла — лучший палач Цитадели Вершин, известная под именем Гайса. Её «Зеркальное сердце» способно оборачивать чужие муки в холодный садистский контроль, спасающий её саму от безумия. Никто на Вершинах не знает, что по ночам безжалостный Истязатель смывает угольную сажу с глаз и тайно выхаживает раненых птиц в заброшенной шахте. Привычный ад рушится, когда в её допросную привозят немого ныряльщика с Нижнего Настила. Его янтарный взгляд транслирует звенящую тишину, в которой Талла узнает Илая — младшего брата, считавшегося погибшим семь лет назад. Тогда, во время крушения подвесного моста, алхимики Совета погубили их родителей, Арона и Ирму, а Талла заперла своё прошлое на замок. Илай вернулся, чтобы вернуть сестре её имя и передать наследие отца — код вечной мерзлоты, способный подчинить ядовитый «Ведьминь туман». Чтобы спасти брата и упрямый портовый Нижний Город от карательных дирижаблей Цитадели, Талле придётся разбить броню палача, увести шторм в Запретные земли .

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Каталей Даль

Талла

Глава 1

Глава 1. Симфония костей и перьев

Камера допросов в Цитадели Вершин пахла уксусом, ржавчиной и сырым озоном. Здесь, на километровой высоте, сквозняки из ущелья свистели сквозь щели бойниц, но пот на лбу прикованного к железному стулу человека был горячим и липким.

Это был заговорщик с Средних Ярусов — плотный, бородатый механик, пытавшийся перерезать кабели главного подёмника.

Гайса стояла у стола с инструментами. Её чёрный плащ был откинут назад, обнажая тусклое, едва заметное багровое свечение корсета из «живого стекла». Угольная сажа на веках делала её прозрачные серые глаза похожими на два пустых сквозных отверстия в черепе.

— Ты тратишь моё время, — тихо сказала она. Её голос, лишённый эмоций, шуршал, как сухая чешуя ящера. — И своё здоровье. Где чертежи узлов?

Механик плюнул под ноги её подкованных стальными шипами сапог.

— Тварь. Потрошительница Совета. Давай, режь. Мои парни всё равно скинут вас в туман.

Гайса не разозлилась. Злость — это хаос, а допрос — это чистая математика. Её «Зеркальное сердце» уже поймало его волну. Она почувствовала, как в её собственном горле встал ком сухой, яростной гордости механика. Его страх был глубоким, запрятанным под напускную смелость, и этот страх сдавливал грудную клетку Гайсы невидимым обручем.

«Защита», — привычно скомандовал её разум.

Гайса перевернула ладонью боль. Она заставила себя насладиться тем, что сейчас произойдёт. Это был её единственный способ не закричать вместе с ним.

Она взяла со стола длинную, тонкую иглу из пористого обсидиана — проводник для эмпатического нектара.

— Срезать плоть — это скучно, — мягко произнесла Гайса, подходя к нему со спины. — Плоть быстро немеет. А вот нервный узел под левой ключицей помнит всё часами.

Она положила левую руку ему на плечо. Механик вздрогнул. Гайса мгновенно ощутила пальцами, как бешено заколотилось его сердце, и её собственный пульс синхронно взлетел до ста двадцати ударов в минуту. В её левом плече отозвалась фантомная, ноющая боль — проекция его ужаса.

Гайса стиснула зубы, превращая эту жалость в извращённую, холодную радость кукловода.

Смотри, как ты слаб. Смотри, как я заберу твой контроль.

Она точным, выверенным движением вонзила иглу под ключицу. Механик выгнулся дугой. Из его груди вырвался хриплый, животный крик, перешедший в ультразвуковой свист.

В ту же секунду корсет Гайсы налился ядовитым, пульсирующим пурпурным светом. «Живое стекло» жадно впитывало чистую эмпатическую энергию боли. В голове у Гайсы взорвалась ослепительная вспышка. Её собственное плечо словно пронзили раскалённым штырём — её «Зеркало» работало безупречно. Она задыхалась от его муки, но на её бледных губах застыла пугающая, блаженная улыбка палача. Она держала иглу, регулируя наклон на доли миллиметра, заставляя звук его крика звенеть на нужной, высокой ноте, пока стекло в её корсете не зарядилось до краёв.

Через десять минут механик, обмякший, рыдающий и сломленный, хрипел адреса тайных мастерских. Ему казалось, что его пытала дьяволица, получавшая наслаждение от его слёз.

Час спустя Гайса шла по качающемуся деревянному настилу Внешнего кольца. Вокруг выла ночная буря, швыряя в лицо ледяные брызги.

Её трясло. Внутренний маятник качнулся обратно. Судорожное наслаждение допроса испарилось, оставив после себя мертвенную, серую пустоту и дикую боль в плече, которая никак не проходила. Ей казалось, что она сама состоит из грязи, крови и чужих криков.

Она скользнула в тень полуразрушенной вентиляционной башни, трижды повернула ржавое колесо скрытого люка и спустилась по узкой железной лестнице вниз, в абсолютную темноту.

Здесь, в глубине скалы, было тепло. Пахло сухими травами, старой бумагой и чистым птичьим помётом.

Гайса зажгла маленькую лампу, работающую на остатках тусклого «живого стекла». Пурпурный свет мягко залил небольшую пещеру, уставленную деревянными клетками и коробками с мягкой ветошью.

При её появлении в углах началось тихое, приветливое шуршание.

Гайса упала на колени прямо на холодный каменный пол. Её руки, которые только что безжалостно вкручивали иглу в живого человека, теперь дрожали от предельной, детской слабости. Контроль был потерян. Защита рухнула. Она была беззащитна перед этим миром.

Из ближайшей коробки показалась маленькая, уродливая голова. Это был скальный стриж. Ядовитый туман Нижних Ярусов сжёг ему половину перьев на левом крыле, и птица больше никогда не смогла бы летать.

Стриж не испугался угольной сажи на её глазах. Он не знал, кто такой Палач Совета. Он помнил только тепло этих рук. Птица заковыляла к ней, смешно переваливаясь на лапках, и ткнулась маленьким клювом в её окровавленное кожаное запястье.

Гайса издала странный, горловой звук — полувсхлип, полустон. Она аккуратно, едва дыша, подняла стрижа двумя пальцами и прижала к своей бледной щеке.

— Маленький... — прошептала она. Её голос изменился, став мягким, как пух. — Мой хороший. Прости меня. Прости.

Боль в её плече, эхо допроса механика, начала медленно утихать, растворяясь в тихом, мерном перебирании лапок птицы по её плечу. В этой тайной пещере «Зеркальное сердце» Гайсы наконец-то отражало не ужас и злобу, а хрупкую, чистую жизнь, которая не умела ненавидеть. Палач Вершин сидела на полу в темноте и тихо плакала, размазывая сажу по лицу, пока вокруг неё засыпали спасённые ею калеки.

Глава 3. Немые свидетели

Прошлое всегда пахнет рыбой и мокрым деревом, но настоящее возвращает Гайсу в реальность запахом дешёвого спирта, которым стражники Цитадели протирают свои доспехи.

Утро следующего дня началось со скрежета стальных застав. Гайса едва успела подняться из своего тайного убежища и смыть следы ночных слёз, как её вызвали в допросную камеру Третьего Яруса. Её корсет из «живого стекла» после вчерашнего механика всё ещё тускло светился сытым, лиловым оттенком, лениво перегоняя внутри себя остатки чужой боли.

— Мастер Гайса, Совет требует спешки, — отпарто-

вал караульный, не поднимая на неё глаз. На палача Вершин здесь старались не смотреть — боялись, что её прозрачные серые глаза выудят из мыслей какую-нибудь постыдную тайну. — Поймали контрабандиста с Нижнего Настила. Пытались поднять наверх груз без клейма. Но парень странный. Из немых. Старший следователь не смог выбить из него ни слова.

— Немой? — Гайса холодно усмехнулась, поправляя на поясе кожаную сумку с обсидиановыми иглами. — Язык — это лишь один из инструментов для крика. Человек может кричать костями, кожей, сорванным дыханием. Ведите.

Когда тяжелая дубовая дверь распахнулась, Гайса замерла на пороге.

На железном стуле сидел юноша. На вид ему было не больше двадцати. На нём была рваная куртка из кожи морского зверя, вся в пятнах высохшей соли, и высокие просмоленные сапоги — типичная одежда «ныряльщиков», тех, кто на тро-сах спускается в фиолетовую бездну за артефактами старого мира. Его руки были скованы за спиной тяжелыми цепями, а тёмные, мокрые от тумана волосы упали на лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.